

КАМЫШАНСКИЙ М. М.,
аспирант кафедры международного права
(Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого)

УДК 341.66

ПРАВИЛА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРОВ КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ И АРБИТРАЖНЫХ ОРГАНОВ

В статье проводится исследование особенностей определения размеров вреда, которые компенсируются в практике международных судебных и арбитражных органов. Осуществляется анализ юридической литературы и международной судебной и арбитражной практики по вопросам определения размеров компенсации за международно-противоправные деяния. Проводится сравнительный анализ Европейского суда по защите прав человека и Международного суда ООН.

Ключевые слова: компенсация, международно-противоправное деяние, Европейский суд по защите прав человека, Международный суд ООН, Международный трибунал по морскому праву.

У статті проводиться дослідження особливостей визначення розмірів шкоди, які компенсуються у практиці міжнародних судових і арбітражних органів. Здійснюється аналіз юридичної літератури і міжнародної судової та арбітражної практики з питань визначення розмірів компенсації за міжнародно-протиправні діяння. Проводиться порівняльний аналіз Європейського суду із захисту прав людини та Міжнародного суду ООН.

Ключові слова: компенсація, міжнародно-протиправне діяння, Європейський суд із захисту прав людини, Міжнародний суд ООН, Міжнародний трибунал із морського права.

In this article analyzed the research of determining the extent of harm, which are compensated in the practice of international judicial and arbitration bodies. The analysis of legal literature and international litigation and arbitration practice is being carried out on the issues of determining the amount of compensation for internationally wrongful acts. A comparative analysis of the European Court of Human Rights and the International Court of Justice is conducted.

Key words: compensation, internationally wrongful act, European Court of Human Rights, International Court of Justice, International Tribunal for the Law of the Sea.

Вступление. Эффективная реализация принципа полного возмещения вреда за международно-противоправное деяние была бы невозможна без специальных правил определения размеров вреда, являющихся результатом многолетней практики международных судебных и арбитражных органов. Несмотря на это, вопрос об определении размера компенсации в каждом конкретном случае вызывает ряд дискуссий.

Многими учёными утверждается, что не существует общепринятых правил, которые бы использовались для определения размеров компенсации в практике международных судебных и арбитражных органов. В частности, А. Фердросс отмечал, что «размеры подлежащих возмещению убытков определяются в соответствии с общепризнанными культурными государственными принципами права, поскольку международное право не создало никаких специальных норм по этому вопросу» [1, с. 382]. И.И. Лукашук, объясняя отсутствие четких правил и методик определения размера компенсации, подчеркивал, что «эти правила существенно различаются в зависимости от характера нарушенных обязательств от оценки поведения сторон и ряда иных факторов» [2, с. 105]. Л. Рейтзер по этому поводу указывал, что «решение во многом определяется целью достижения справедливого, приемлемого для сторон урегулирования» [3, с. 33–34].

Неопределённость относительно правил, которые могут применяться для расчёта компенсации за международно-противоправные деяния, нашло своё отображение и в Комментариях к Проекту статей об ответственности государств. При обсуждении ст. 36 Проекта было отмечено следующее:

«Что касается надлежащих норм «компенсируемости» ущерба и принципов оценки, применяемых при расчете его размера, то они будут варьироваться в зависимости от содержания конкретных первичных обязательств, оценки соответствующего поведения сторон и в более общем плане от задачи достижения справедливого и приемлемого урегулирования» [4, с. 120].

Рассмотрением этого вопроса занимались такие учёные, как Т. Батюсь, В.А. Василенко, А.А. Данельян, Д.Б. Левин, И.И. Лукашук, Л. Рейтзер, В.Л. Толстых, И.З. Фархутдинов А. Фердросс и др.

Постановка задачи. Целью статьи является выявление особенностей определения размера компенсации, которые использовались в практике международных судебных и арбитражных органов.

Результаты исследования. История возникновения этой нормы прослеживается из XIX в., когда Соединенные Штаты и Великобритания начали арбитражное разбирательство по инициативе Соединенных Штатов, которое было связано с нарушениями Великобританией нейтралитета в период гражданской войны в Америке («Дело о судне «Алабама» (1872 г.)» [5, с. 4144, с. 4156–4157]. Вопреки своей официальной позиции невмешательства Великобритании в Гражданскую войну в Соединённых Штатах, в 1862 г. в Ливерпуле был построен и выпущен в эксплуатацию военный корабль «CSS Alabama». Этот корабль предназначался для флота Конфедерации, и правительство Великобритании, вопреки прямым протестам Соединённых Штатов, не приняло соответствующих мер. В соответствии с Вашингтонским договором между Великобританией и США (1871 г.) этот спор был передан в специально созданный международный Арбитражный трибунал. Этот трибунал единогласно постановил, что Великобритания должна выплатить компенсацию в сумме 15,5 млн долл. США. Примерное выполнение Великобританией арбитражного решения не только стало важным прецедентом для дальнейшего развития международного права, но и продемонстрировало эффективность арбитража при урегулировании серьёзного спора.

Следующим значимым этапом формирования соответствующей практики стало решение Постоянной палаты международного правосудия по «Делу о Хожувской фабрике» (1928 г.) [6]. В решении впервые было указано, что уплата компенсации должна рассматриваться не только как условие законной экспроприации, но ее природа и сумма должны зависеть от того, насколько экспроприация сама по себе может считаться законной. На совещании Межправительственного комитета по Картахенскому протоколу по биобезопасности (Найроби, 2001 г.) о вопросе международной ответственности и компенсации за ущерб окружающей среде было отмечено, что «подход Постоянной палаты международного правосудия в «Деле о Хожувской фабрике» (1928 г.) служит стандартом выплаты компенсации, однако, в нем нет рекомендации о том, каким образом оценивать нанесенный ущерб. Обоснованность мер, являющихся предметом иска о компенсации, должна определяться в каждом конкретном случае и зависеть от тех выгод, которые могли быть получены, и понесенных расходов с учетом разных факторов» [7, с. 21].

Завершающим этапом формирования рассматриваемой нормы следует считать «Дело о проливе Корфу» (1949 г.). В решении, вынесенном 9 апреля 1949 г., Международный суд сделал заключение, что по этому делу «он правомочен определить размер компенсации» [8, с. 5]. Несмотря на то, что до нашего времени это дело является единственным в практике Международного суда ООН, в котором была присуждена компенсация, оно бесспорно внесло огромный вклад в развитие права международной ответственности. Международный суд подтвердил существование обычной международно-правовой нормы, согласно которой международные судебные и арбитражные органы имеют право определять размер компенсации в международных спорах. Кроме него, эта норма была подтверждена практикой Международного трибунала по морскому праву, Суда Европейского Союза, Трибунала по рассмотрению взаимных претензий Ирана и Соединенных Штатов, Европейского суда по правам человека, Международного центра по урегулированию инвестиционных споров и других органов.

Так, Международный трибунал по морскому праву (далее – МТМП) в своём первом «Деле о M/V «Saiga» (1997 г.) [9, с. 10] на основании указанного принципа присудил компенсацию Сент-Винсенту и Гренадине в размере 2 123 357 долл. США с учётом процентов. Аналогичным образом он поступил в «Деле M/V «Virginia G» (2013 г.) [10, с. 122] при рассмотрении вопроса о компенсации за противоправно арестованное панамское судно.

Примером ещё одной сложившейся нормы может служить известная формула третейского судьи Эдвина Б. Паркера в «Деле «Лузитания» (1923 г.), которая используется тогда, когда подаются претензии в связи со смертью лица в результате международно-противоправных действий. В этих случаях «ущерб, как правило, основывается на оценке потерь оставшихся в живых наследников или правопреемников. Оцениваются суммы: а) которые покойный, если бы он остался в живых, мог бы передать истцу, б) денежная стоимость личных услуг покойного, которые могли быть предоставлены истцу в рамках его обеспечения, образования или надзора, с) разумная компенсация за такие психические страдания или потрясения, если таковые имели место, вызванные насильственным разрывом семейных связей, которые истец мог фактически пережить в результате такой смерти. Сумма этих

оценок, сниженная с учетом их нынешней денежной стоимости, и будет, как правило, представлять собой ущерб, причиненный истцу» [11].

В связи с отчуждением либо уничтожением имущества в результате международно-противоправного деяния сумма компенсации обычно устанавливается на основании «справедливой рыночной стоимости», которая зависит от вида и характера такого имущества. Комиссия международного права ООН (далее – Комиссия) в связи с этим отмечает, что «стоимость легче определить тогда, когда соответствующее (или сопоставимое) имущество является предметом свободной купли-продажи на открытом рынке. В таких случаях выбор и применение методов оценки, основанной на стоимости активов, в которых используются рыночные данные и учитываются физические свойства этих активов, практически не вызывают каких-либо проблем, за исключением сложностей документального подтверждения прав и ущерба по давним искам» [4, с. 124].

Это же правило используется и при определении размера компенсации для уничтоженного либо изъятого (отчуждённого) в результате международно-противоправного деяния хозяйствующего субъекта (предприятия). Существуют различные методы, которые используются для определения «справедливой рыночной стоимости» таких предприятий. Для действующих предприятий, как правило, используются такие методы определения компенсации:

– при оценивании стоимости предприятия предпочтение отдаётся оценке активов предприятия при надлежащем учёте его доходности и «гудвилл» (условная стоимость деловых связей фирмы). Касательно этого метода Комиссия отмечает, что «преимущество этого метода состоит в том, что при его использовании размеры компенсации максимально приближаются к объективной оценке стоимости, увязанной со стоимостью осязаемых активов предприятия» [4, с. 124];

– при оценивании стоимости предприятия используется определение чистой балансовой стоимости предприятия (разность между активами компании (за вычетом накопленной амортизации) и ее обязательствами, как это отражается в балансе) [12]. Рассматривая преимущества и недостатки указанного метода, Комиссия делает заключение, что «преимущества этого метода заключаются в том, что он позволяет объективно установить стоимость имущества с учетом его рыночной стоимости, а также в том, что данные обычно берутся из текущей бухгалтерской книги и основываются на сведениях, подготовленных не для обоснования иска, а для иных целей. Соответственно, чистая балансовая стоимость (или какой-либо другой показатель, используемый в этом методе) применялась для оценки стоимости предприятий. Недостатки этого метода заключаются в чрезмерной опоре на данные за предыдущие периоды, использовании принципов бухгалтерского учета, которые ведут к недооценке активов, особенно в периоды инфляции, и в том, что цель, с которой подготавливаются такие цифры, не учитывает контекста компенсации и действующих в этом отношении норм. Балансовый отчет может содержать графу, касающуюся «гудвилла», однако надежность содержащихся в нем данных зависит от их близости к моменту фактической продажи» [4, с. 125].

Иначе вопрос об определении размера компенсации рассматривается, если предприятие не является действующим. В таких случаях обычно используется так называемая «расформировочная, ликвидационная или роспусковая стоимость» [4, с. 126].

После второй половины XX в. широкое распространение получил метод дисконтированного потока наличности (далее – ДПН), который используется для определения настоящей стоимости будущих денежных потоков. Анализируя этот метод, Комиссия установила, что «при применении метода ДПН для установления стоимости капитала в контексте компенсации возникает ряд трудностей. Этот метод позволяет анализировать широкий круг по существу гипотетических элементов, ряд из которых оказывают значительное воздействие на конечный результат (например, коэффициенты дисконтирования, валютные колебания, показатели инфляции, товарные цены, процентные ставки и другие коммерческие риски)» [4, с. 125].

В случаях, когда имущество, являющиеся объектом притязаний, носит уникальный или необычный характер (произведения искусства или другие виды культурной собственности), определить их «справедливую рыночную стоимость» объективно сложнее, потому как такое имущество «не является объектом частых или совершенных в последнее время рыночных сделок» [4, с. 124].

Одним из примеров определения размера компенсации за такой вид имущества определён в Докладе и рекомендациях группы уполномоченных в отношении второй части первой партии претензий отдельных лиц о возмещении убытков на сумму свыше 100 000 долл. США (претензии категории D) от 12 марта 1998 г., где Компенсационная комиссия ООН решила вопрос о компенсации в связи с принудительным изъятием коллекции произведений исламского искусства иракскими военнослужащими. В п. п. 48–49 этого Доклада закреплено, что «из-за трудностей выхода на объективную оценку для коллекции предметов искусства, которые принадлежали истцу, Группа решила обратиться за помощью к своему собственному эксперту по оценке стоимости исламских коллекций произведений искусства. Из списка экспертов в области исламского искусства, составленному Секретариатом при

содействию ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Группа выбрала всемирно известного эксперта в области исламского искусства, который был тогда назначен для помощи Группе. На основании фотографий, музейного каталога и предоставленных иллюстраций эксперт Группы смог определить значение для большинства предметов в коллекции произведений исламского искусства. Принимая во внимание все материалы, представленные заявителем, а также доклад и содержащиеся ответы эксперта Группы по различным вопросам, поставленные в ходе обсуждения, на основании чего Группа смогла прийти к разумной оценке коллекции Истца» [13, с. 16].

Ещё одним неоднозначным правилом определения размера компенсации является формула Халла, которая используется в случаях национализации иностранной собственности. Эта формула устанавливает требование выплаты «достаточной, эффективной и незамедлительной» компенсации. Неоднозначность такого правила проявляется в том, что не существует единой позиции среди учёных-международников относительно возможности применения этого правила для разрешения споров между субъектами международного права. Как указывает А.А. Данельян, «в связи с широким распространением формулы Халла в доктрине и практике ряд учёных высказывают мнение, что она представляет собой обычную норму международного права» [14, с. 23]. Представители традиционной западной доктрины в некоторых случаях также признают существование «незамедлительной, достаточной и эффективной» компенсации при экспроприации иностранного имущества.

В то же время некоторые специалисты отвергают доктрину незамедлительной, достаточной и эффективной компенсации. Как утверждает И.З. Фархутдинов, причиной такого явления стала «жесткая критика со стороны развивающихся стран, с которой они выступали на протяжении десятилетий» [15, с. 272]. В результате этого даже «Американский институт права и другие аналогичные организации, которые безоговорочно поддерживали формулу Халла, начали делать определенные оговорки относительно казачного стандарта компенсации за национализируемую собственность» [16, с. 124].

Для того, чтобы определить жизнеспособность формулы Халла, следует рассмотреть вопрос использования этой формулы в арбитражной практике. Например, в решении о компании «Lialko» «арбитр утверждал, что стандарт Халла заменен стандартом «удобной и достаточной компенсации» [15, с. 274]. В арбитражном решении о деле «Aminoil» (1982 г.) был поддержан стандарт компенсации, который «составляет сумму, меньшую, чем полная компенсация» [17]. В свою очередь, в деле «Ebrahimi» (1973 г.) «судья Эллисон, американский арбитр по этому делу, постановила сначала, что международное обычное право поддерживает стандарт Хала. <...>» [15, с. 275]. Таким образом, арбитражная практика не вносит определённой ясности в вопросе о существовании обычной нормы – формулы Халла, но, с другой стороны, она и не отрицает возможности её существования.

При рассмотрении вопроса о правилах определения размера компенсации нельзя не учесть практику Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Он уполномочен, в случае необходимости, присуждать компенсацию, что явно выражено в тексте ст. 41 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), согласно которой «если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне» [18, с. 26]. Справедливая компенсация, предусмотренная ст. 41 Конвенции, может быть присуждена в связи с причиненными убытками; причиненным моральным вредом; понесенными издержками.

«Справедливая компенсация» ЕСПЧ отличается от присуждаемой компенсации Международного суда, МТМП и др. судебных и арбитражных органов тем, что ЕСПЧ может присудить такой размер компенсации, который будет меньше, чем фактически понесённые убытки истца, или может отказать в присуждении компенсации как таковой. Такие случаи могут возникнуть, как указано в Практической инструкции, утвержденной Председателем Европейского Суда по правам человека в соответствии с Правилем 32 Регламента Европейского Суда по правам человека 28 марта 2007 г., если «заявитель сам ответственен за фактический размер причиненных убытков (морального вреда) или издержек» [15].

Ещё одним отличием ЕСПЧ от других международных судебных и арбитражных органов является то, что первый определяет размер справедливой компенсации на основании доказательств, представленных заявителем, когда вторые, для объективности, могут назначать, например, экспертов для оценки ущерба.

В вопросах, которые касаются возмещения убытков, ЕСПЧ использует принцип *restitutio in integrum*, в соответствии с которым, как указано в Практической инструкции, «заявитель должен быть насколько это возможно возвращен в ситуацию, которая соответствовала бы положению вещей в отсутствие нарушения» [15]. Таким образом, компенсации подлежат фактически причинённый реальный ущерб, упущенная выгода и возможные расходы для восстановления нарушенного права в будущем.

Элемент «справедливость» в термине «справедливая компенсация» означает то, что ЕСПЧ присуждает только такую компенсацию, которая считается «справедливой» в конкретных обстоятельствах [19]. ЕСПЧ самостоятельно решает вопрос о том, какая компенсация будет справедливой, а какая – нет.

Несмотря на огромную практику ЕСПЧ, единых правил определения размера компенсации за нарушения Европейской конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ) до сих пор не существует. Размер компенсируемого ущерба определяется в каждом конкретном случае индивидуально с использованием принципа справедливости. По общему правилу, как закреплено в Практической Инструкции, «ЕСПЧ присуждает возмещение убытков в полном размере в соответствии с расчетами. Однако в случае, если размер фактически понесенных убытков не поддается точному исчислению, он может присудить компенсацию в размере, соответствующем приблизительным расчетам, сделанным на основе имеющейся фактической информации» [19].

Как правило, определение размера компенсации за материальный вред ЕСПЧ не вызывает больших трудностей, потому как стороны процесса предоставляют всю необходимую информацию, на основании которой ЕСПЧ выносит своё решение. Несмотря на это, вопрос о размере компенсации в этих случаях является наиболее дискуссионным. Чаще всего компенсация за материальный вред присуждается за нарушение ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ. Согласно ст. 1 Протокола № 1 «каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права». Хотя эта статья не закрепляет четкой обязанности о выплате компенсации при лишении имущества, такая обязанность следует из сущности указанной нормы. При определении размера компенсации за нарушение ст. 1 Протокола № 1 ЕСПЧ использует принцип пропорциональности, согласно которому «размер компенсации должен разумно отвечать стоимости имущества, которое изымается» [20]. Также ЕСПЧ учитывает дополнительные факты (положение частного лица, социальная ситуация и др.), которые позволяют более точно установить размер компенсации.

Кроме того, ряд трудностей возникают и при определении размера компенсации за моральный вред. Единая практика ЕСПЧ, которая касается вопросов возмещения морального вреда, до сих пор не выработана. Как закреплено в Практической инструкции, «возмещение морального вреда, присуждаемое Европейским Судом по правам человека, призвано компенсировать в денежном выражении вред, причиненный посягательствами на нематериальные блага, например, компенсировать физические и нравственные страдания». Исходя из собственной практики, обстоятельств конкретного дела, ЕСПЧ имеет право принять решение о возмещении морального вреда полностью, частично либо указать на тот факт, что признание нарушения будет являться справедливой сатисфакцией.

Для определения размера компенсации морального вреда, согласно Практической инструкции, «заявителям, желающим получить компенсацию морального вреда, следует указать сумму его денежного возмещения, которую они считают справедливой» [19]. Но даже при отсутствии в иске конкретной требуемой суммы практике ЕСПЧ известны случаи, когда ЕСПЧ самостоятельно принимал решения о размере компенсации за моральный вред в таких делах [21].

Размер компенсации морального вреда преимущественно зависит от определенного вида ущерба и характера нарушения. Дополняя этот тезис, можно согласиться с Т. Батюсь, которая указывает, что «ЕСПЧ определяет размер возмещения морального вреда, исходя из соразмерности причиненных боли, страданий, телесных повреждений, психических расстройств искомых требованиям заявителя, с учетом наличия нарушений государством жалобщика Конвенции по защите прав человека и адекватности восстановления прав человека» [22]. Этот вариант характерен для физических лиц. Что касается юридических лиц, то присуждая компенсацию за моральный вред юридическим лицам, ЕСПЧ учитывает вред, нанесенный деловой репутации хозяйствующего субъекта, состояние неудобства и неопределенности, наступившее вследствие нарушения, и прочие виды нематериальных потерь.

Определение размера компенсации морального вреда, по общему правилу, производится на основании принципа справедливости, поэтому, как указано в Практической инструкции, «по своей сути моральный вред не поддается точному исчислению в денежном выражении». Подтверждая этот тезис, ЕСПЧ в деле *«Агрокомплекс против Украины» (2013 г.)* указал, что «денежное возмещение морального вреда осуществляется на принципах справедливости, так как её точный расчёт в принципе невозможен» [23]. Таким образом, объём компенсации за моральный вред определяется в каждом конкретном деле индивидуально с учётом сложившейся практики.

Следующим важным вопросом, который заслуживает внимания, является упущенная выгода в рамках практики ЕСПЧ и правила её определения. Как свидетельствует практика ЕСПЧ, дела о возмещении упущенной выгоды, как правило, касаются споров юридических лиц с государствами. Общая практика, которая касается указанного вопроса, до сегодняшнего момента не сложилась. Кроме того,

ЕСПЧ, рассматривая дела, где было заявлено требование о возмещении вреда, полученном вследствие упущенной выгоды, указывал на то, что в связи с тем, что такие дела касаются коммерческой деятельности компаний, в равной мере невозможно рассчитать убытки от упущенной выгоды [24]. В таких делах ЕСПЧ в своих решениях объединяет все виды ущерба и устанавливает единую сумму компенсации.

Кроме ЕСПЧ, международной практике известны ряд случаев присуждения упущенной выгоды другими международными судебными и арбитражными органами. Согласно п. 2 ст. 36 Проекта «компенсация охватывает любой исчислимый в финансовом выражении ущерб, включая упущенную выгоду, насколько она установлена» [25]. Таким образом, упущенная выгода, в определённых случаях, в соответствии с принципом полного возмещения вреда за международно-противоправное действие является обязательным элементом компенсации. Упущенная выгода включается в общий присуждаемый размер компенсации [26]. Как правило, международные судебные и арбитражные органы «не склонны предоставлять компенсацию по требованиям, явно имеющим гипотетические элементы» [27].

Как отметил арбитр Пьер Кавин (Pierre Cavin), рассматривая вопрос о присуждении упущенной выгоды по делу «*Sapphire International Petroleum Ltd. v. National Iranian Oil Company*» (1963 г.), для присуждения упущенной выгоды «потери прибыли должны быть достаточно вероятными и основываться на доказательствах» [28, с. 136, 187, 189].

Ещё одним составляющим элементом при присуждении компенсации принято считать побочные расходы. Относительно этого элемента существует сложившееся правило, согласно которому «побочные расходы подлежат компенсации, если они были понесены разумным образом для устранения ущерба и иного уменьшения убытков, вызванных нарушением обязательства» [4, с. 127]. Побочные расходы, как таковые, подлежали компенсации, например, при рассмотрении взаимных претензий Ирана и Соединённых Штатов, когда была присуждена компенсация за товары, перепроданные в убыток, и за складские расходы [29].

Выводы. Несмотря на то, что не существует исчерпывающего перечня правил определения размеров компенсации за международно-противоправное деяние, международная судебная и арбитражная практика (практика Международного Суда ООН, Международного трибунала ООН по морскому праву, Европейского суда по правам человека и др.) играет огромную роль для становления таких правил в качестве обычно-правовых норм. Таким образом, были сформулированы правила для определения размеров компенсации в связи со смертью лица в результате международно-противоправных действий, в частности оцениваются суммы: а) которые покойный, если бы он остался в живых, мог бы передать истцу, б) денежная стоимость личных услуг покойного, которые могли быть предоставлены истцу в рамках его обеспечения, образования или надзора, в) разумная компенсация за такие психические страдания или потрясения, если таковые имели место, вызванные насильственным разрывом семейных связей, которые истец мог фактически пережить в результате такой смерти; в связи с отчуждением либо уничтожением имущества в результате международно-противоправного деяния сумма компенсации обычно устанавливается на основании «справедливой рыночной стоимости», которая зависит от вида и характера такого имущества и др.

Также огромное значение для развития института компенсации имеет практика Европейского суда по правам человека, в частности, при определении размера компенсации за нарушение ст. 1 Протокола № 1 ЕСПЧ использует принцип пропорциональности, согласно которому размер компенсации должен разумно отвечать стоимости имущества, которое изымается. Несмотря на весьма специфическое судопроизводство и существенные отличия ЕСПЧ в применении правил для определения размера компенсации от Международного суда ООН, МТМП, он выполняет важную функцию в сфере защиты прав человека и содействует формированию обычно-правовых норм в этой сфере.

Список использованных источников:

1. Фердросс А. Международное право / А. Фердросс ; пер. с нем. : Ф.А. Кублицкий, Р.Л. Нарышкина ; под ред. Г.И. Тункина. – М. : Иностранная литература, 1959. – 652 с.
2. Лукашук И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 215 с.
3. Gray C. *Judicial Remedies in International Law* / C. Gray. – Oxford, 1987. – 108 p.
4. Ежегодник Комиссии международного права 1998. – Нью-Йорк, Женева, 2005. – Т. 2. – Ч. 2 : Доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе её пятидесятой сессии A/CN.4/SER.A/2001/Add.1. – 2005. – 256 с.
5. Решение Женевского арбитражного суда (дело «Alabama») // Moore, *History and Digest*. – Vol. IV. – 4412 p.
6. Case Concerning the Factory of Chorzów // *Merits. Judgment № 13. Series A.* – 1928. – September 13th. – № 17.

7. Записки Исполнительного секретаря Межправительственного комитета по Картахенскому протоколу по биобезопасности (Найроби, 2001 г.). – 2001. – 43 с.
8. Corfu Channel, Assessment of Amount of Compensation, Judgment, I.C.J // Reports. – 1949. – 25 p.
9. M/V «SAIGA» (№. 2), (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea), Judgment, ITLOS // Reports. – 1999. – 54 p.
10. The M/V «Virginia G» Case (Panama/Guinea – Bissau), Judgment, ITLOS // Reports. – 2014. – 122 p.
11. Opinion in the Lusitania case (United States/Germany) decision of 1 November 1923 // UNRIIAA. – 1923. – Vol. VII.
12. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки / Л.И. Лопатников. – М. : Дело, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.lopatnikov.pro/slovar/ch/chistaya-balansovaya-stoimost/.
13. Доклад и рекомендации группы уполномоченных в отношении второй части первой партии претензий отдельных лиц о возмещении убытков на сумму свыше 100 000 долл. США (претензий категории D). – 1998. – 22 с.
14. Данельян А.А. Стандарт «быстрой, адекватной и эффективной» компенсации за национализацию иностранной собственности / А.А. Данельян // Международный правовой курьер. – 2014. – № 3 (3). – С. 22–26.
15. Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право: теория и практика / И.З. Фархутдинов. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.
16. Sornarajah M. The International Law on Foreign Investments / M. Sornarajah. – Cambridge, 1994. – 430 p.
17. The Government of the State of Kuwait v The American Independent Oil Company («Kuwait v Aminoil»). – 1982.
18. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. – Strasbourg : Directorate General of Human Rights Council of Europe, 2001. – 60 с.
19. Практическая инструкция, утверждена Председателем (Президентом) Европейского Суда по правам человека в соответствии с Правилom 32 Регламента Европейского Суда по правам человека 28 марта 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://europeancourt.ru/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-drugie-oficialnye-dokumenty/prakticheskaya-instrukciya-po-zayavleniyu-v-evropejskij-sud-trebovanij-o-spravedlivoj-kompensacii/>.
20. Решение по делу «Спорронг и Лоннрот против Швеции» («Sporrong and Lönnroth v. Sweden») от 23 сентября 1982 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57580>.
21. Раймондо против Италии (Raimondo v. Italy) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 февраля 1994 г. (жалоба № 12954/87).
22. Батюсь Т. О проблемах определения и возмещения морального вреда в Украине / Т. Батюсь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.jurliga.ligazakon.ua/news/2012/11/12/76830.htm.
23. Дело «Агрокомплекс против Украины» : Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июля 2013 г. (жалоба № 23465/03).
24. Дело «EAST/WEST ALLIANCE LIMITED против Украины» : Постановление от 23 января 2014 г. (жалоба № 19336/04).
25. Ответственность государств за международно-противоправные деяния : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/56/83>.
26. Yuille Shortridge and Co. (Great Britain v. Portugal), Lapradelle-Politis, op. cit. (ibid.). – Vol. II. – P. 78.
27. Shufeldt Claim, ibid. (Sales №. 1949.V.1). – Vol. II. – P. 1079, 1099.
28. Sapphire International Petroleum Ltd. v. National Iranian Oil Company, ILR. – Vol. 35.
29. General Electric Company v. Islamic Republic of Iran, Iran-U.S. C.T.R. – 1991. – T. 26. – P. 148, 165–169.

